

Двуязычная природа русского литературного языка в научной полемике и словесной культуре XVIII века

Рассматривается двуязычная природа русского литературного языка и ее отражение в научной полемике и литературной практике XVIII в. Обращается особое внимание на сложность языковой ситуации, обусловленную изменением вектора двуязычия: сменной русско-церковнославянского двуязычия русско-европейским в эпоху исторических перемен. Отмечается возрастающая роль семантики европейских языков в формировании русского литературного языка светского периода. Авторы подчеркивают, что конфликтные тенденции в XVIII в. определялись рядом факторов: трансформацией общественного сознания, исторически обусловленными особенностями структуры русского литературного языка, идеологическими приоритетами и жизненной позицией реформаторов (Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова и др.). Говорится, что к концу XVIII в. французский язык закрепляется как посредник между двумя культурными мирами — Россией и Францией. Он становится самым востребованным языком в словесности и повседневном общении представителей светской культуры. Авторы статьи приводят факты, показывающие неприятие механической франкофонии российскими просветителями в научной полемике XVIII столетия. Выявляется и анализируется соперничество европейских языков (немецкого, французского) в определении характера двуязычия Нового времени. Делается вывод о противоречивости процесса европеизации образованного русского общества, воспринимавшего русско-французское двуязычие как ключ к мировой культуре, и зарождающемуся национальном самосознании в его обращенности к истокам русско-церковнославянского двуязычия допетровской Руси. Практическое значение проведенного исследования заключается в экстраполяции опыта исторического билингвизма русского литературного языка на изучение и оценку изменений, происходящих в этническом и языковом сознании современного общества, и формирование поликультурной толерантности.

Ключевые слова: XVIII век, языковая ситуация, европеизация культуры, русский литературный язык, научная полемика, русско-французский билингвизм.

The bilingual nature of the Russian literary language and its reflection in the scientific polemics and literary practice of the XVIII century are considered. Special attention is paid to the complexity of the language situation caused by the change in the vector of bilingualism: the change of Russian-Church Slavonic bilingualism to Russian-European in the era of historical changes. The increasing role of the semantics of European languages in the formation of the Russian literary language of the secular period is noted. The authors emphasize that the conflict trends in the XVIII century were determined by a number of factors: the transformation of public consciousness, historically determined features of the structure of the Russian literary language, ideological priorities and the life position of reformers (Lomonosov, Trediakovsky, Sumarokov, etc.). It is said that by the end of the XVIII century the French language is fixed as an intermediary between two cultural worlds — Russia and France. It becomes the most popular language in literature and everyday communication of representatives of secular culture. The authors of the article cite facts showing the rejection of mechanical Francophonie by Russian educators in the scientific polemics of the XVIII century. The rivalry of European languages (German, French) in determining the nature of bilingualism of so-called New period is revealed and analyzed. The conclusion is made about the contradictory nature of the process of europeanization of the Russian elite, which perceived Russian-French bilingualism as the key to world culture, and the emerging national consciousness in its appeal to the origins of the Russian-Church Slavonic bilingualism of pre-Peter Rus. The practical significance of the research is to extrapolate the experience of historical bilingualism of the Russian literary language to the study and assessment of changes taking place in the ethnic and linguistic consciousness of modern society, and the formation of multicultural tolerance.

Keywords: XVIII century, language situation, europeanization of culture, Russian literary language, scientific polemics, Russian-French bilingualism.

Русский литературный язык прошел в своем развитии несколько сложных периодов, когда его испытывали на прочность внешние обстоятельства. «Завоевать» язык нельзя — его можно засорить неуместными заимствованиями, изменить культурный фон лексики, «европеизировать» грамматику, навязать иную стилистику и ввести в коммуникативное пространство чуждую родной стихии языка природу. Эти процессы время от времени создавали ситуацию «культурного взрыва» (по выражению Ю.М. Лотмана) внутри языка и, с другой стороны, становились предметом дискуссий в среде его реформаторов. Особенно интересен в этом отношении XVIII в. — эпоха экспериментов, которая перевернула сознание патриархальной Московской Руси и стала отправной точкой для создания нового литературного языка.

В допетровское время, как хорошо показал в своих работах Б.А. Успенский, существовало церковнославянско-русское двуязычие, разделявшее две социально-культурных парадигмы сообщества — в религиозном культе книжная речь считалась образцовой, в бытовом поведении использовали живой «посадский» язык, разговорно-просторечную и деловую лексику. В письменной речи тенденция перехода диглоссии в двуязычие выразилась, по мнению Б.А. Успенского, в пародийном использовании церковнославянского языка в XVII в. [13. С. 104–105]. Такое положение вещей впервые научно зафиксировал Г.В. Лудольф в «Grammatica Russica», где показал отличия двух языков на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях и в то же время зафиксировал зыбкость этого дуализма в так называемых «Разговорах». Вот несколько примеров, записанных им «с голоса»:

«...лѣче дѣрачествовать неже красть» [14. С. 58], «кѣда поѣдишь въ свицкѣю, цѣсарскѣю, голанскѣю землю» [Там же. С. 60], «скажѣтъ что пригожие женщины во францѣской землѣ а не водилъ са с ними, красние не гладили на мена, и не желаль познать са съ дѣрними» [Там же. С. 60–61], «скоро ли Христовъ день бѣдетъ» [Там же. С. 69], «Споры съ божественнихъ дѣлехъ до смерти не люблю» [Там же. С. 74].

Мы видим, что и обыденная речь простолюдина не была стилистически и культурно однородной. Она не имела стандарта и впитывала самые разные элементы («гуляшки» [Там же. С. 63], «робота» [Там же. С. 64], «сродники» [Там же], «Спаситель», «диаволь», «Богъ» [Там же. С. 70]), которые, возможно, присутствовали в сознании русских людей того времени как некий набор функциональных маркеров речи.

К началу XVIII столетия языковая ситуация в России начинает меняться коренным образом. За очень короткий срок был освоен, «переварен» и адаптировал огромный пласт инокультурной лексики, резко изменились условия жизни, нарушилась связь с традиционным бытовым укладом, трансформировалась ментальность человека — в Петровское время реформы охватили все направления общественной и частной жизни. Кодификация и стандартизация русского языка стали программой культурных перемен того времени. Примечательно, что в Книге «Зерцало очевидное» И.Т. Посошкова [6] содержится противопоставление двух языков: церковнославянского и русского «наречия». Б.А. Успенский писал, что «книжному языку, рассуждение о котором доступно лишь ученым людям, противостоит “наречие”, “силу” которого можно познать интуитивно, “Божиим дарованием”» [13. С. 106].

Новое государство во главе с европейски ориентированным царем искало для России другие точки отсчета. Под стать им должен был быть и «новый» язык. И реформа русской азбуки, как мы думаем, явилась прежде всего переворотом в культурном сознании людей, заменой старой, патриархальной, церковной картины мира другой, более современной, чуждой и во многом непонятной, но обязательной к исполнению. В.В. Виноградов верно подмечал этот «модернизм»: «Новая гражданская азбука приближалась к образцам печати европейских книг» [2. С. 90]. По сути дела, уничтожался прежний дуализм «церковнославянское — русское». С этого акта началось строительство других системных связей в языковом организме. «Церковнославянская графика переставала быть нормой литературности. Она низводилась на роль иероглифического языка религиозного культа» [Там же]. К проблеме культурного влияния этих преобразований на русский язык обращался и В.К. Тредиаковский, когда рекомендовал писать книги «по звонам», т.е. по-народному, на живом языке, противопоставляя его церковнославянскому. «Это обстоятельство, — писал академик В.В. Виноградов, — служит ярким свидетельством растущей в русском обществе потребности национально-языкового определения...» [Там же. С. 91]. Значит, вектор дуальности смещается от прежнего понимания книжности в сторону синхронического двуязычия: идея сакральности языка уходит на задний план вместе с архаикой алфавита, символикой культуры.

Изменившееся — от диглоссии, при которой жители Киевской Руси воспринимали церковнославянский и древнерусский языки как функциональные разновидности одного языка, к двуязычию, начинавшемуся с Московской Руси, — соотношение между церковнославянским языком и русским не отменяет двуязычной природы русского литературного языка, обязанного своим богатейшим семантическим, а позднее — и стилистическим потенциалом церковнославянскому языку.

Резкий перелом русской жизни при Петре I, насильственно ускоренное обмирщение сознания русского человека создают ситуацию, при которой декларативный отказ от «славянщины» сочетается с ее неизбежным использованием, а школярский уровень понимания церковнославянской языковой стихии делает это использование неумелым. В.К. Третьяковский в «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю» [12] отмечает неточности и ошибки в употреблении слов, оборотов и грамматических форм церковнославянского происхождения в предложении 143 псалма А.П. Сумарокова. В одиннадцатистрофной оде «нетъ ни единыя у него строфы, в которой бы не было знатныя погрешности», и многие погрешности связаны с невнимательностью к значениям «славянских» слов и грамматических форм. Приведем только один пример (здесь и далее выделения полужирным шрифтом наши. — О. В., О. Н.):

Благословень Творецъ вселенны,

Къмъ я къ побѣдѣ ополченъ!

Се руки нынѣ вознесенны,

И духъ к побѣде устремленъ:

К **Тебѣ** всю мысль надежда правит;

Твоя рука меня прославить [8. С. 206].

По тонкости анализа оды А.П. Сумарокова это письмо сына астраханского священника, блистательно знавшего церковнославянский, достигает уровня его трудов по теории поэзии и стихосложению, которые обеспечили ему исключительно значимое положение в истории русской литературы: «...в пѣрвомъ стихѣ слово, Творецъ, положено не взываніемъ, но повѣствованіемъ, то есть, разумъ сего стиха есть сей: благословень есть Творецъ вселенны, а не благословень Ты Творецъ вселенны: ибо звательный падежъ слѣва Творецъ употребляетъ нашъ Авторъ по славенски, Творче, какъ то видно из третіея строфы сеяжъ его Оды» [12. С. 443]. Из замечания о том, что вся строфа — не обращение, а «повествование», логически вытекают и другие: в пятом стихе этой же строфы вместо личного местоимения 2-го лица (*к*) Тебе должно быть местоимение 3-го лица (*к*) *Нему*, а в шестом стихе — притяжательное местоимение *Твоя* надо заменить на *Его*.

В.К. Третьяковский был знатоком не только церковнославянской культуры. Он первым в России из недворянского сословия получил европейское образование, учился в Париже, в совершенстве владел французским языком, чутко улавливал искажающее смысл высказывания влияние европейской грамматики:

Господинъ Авторъ изволилъ смѣяться надъ тѣми, кои иногда в стихахъ прелагають чѣсти слѣва, буттобъ нашъ языкъ такъ же былъ связанъ тѣмъ какъ Французской или Нѣмецкой. Но *не преклонитъ к ихъ уху слѣву*, что иное, какъ не предложение осмѣхаемое Авторомъ? <...> Должно было ему знать, что винительный падежъ утвердительный рѣчи переменяются въ родительный, когда та рѣчь есть отрицательная... Но Автора, *не приклони* (так у В.К. Третьяковского. — О. В., О. Н.) *къ ихъ уху слѣву*, есть отрицательная рѣчь. Слѣдовательно, надлежало ей быть: *Не приклони къ ихъ уха слѣву* [12. С. 448].

В.К. Третьяковский приводит строфу А.П. Сумарокова в таком варианте:

Не приклони къ ихъ уху слову:

Дѣла ихъ гнусны предъ Тобой.

Я воспую Тѣбе пѣснь нову,

Взнесу до облакъ голось мой,

И восхваляю Тя пѣсню **шумной**

В моей Псалтирѣ многострунной [Там же. С. 447–448].

Сравним у А.П. Сумарокова в издании 1787 г.:

Не преклони къ ихъ уха слову

Дѣла ихъ гнусны предъ Тобой.

Я воспую Тѣбе пѣснь нову,

Взнесу до облакъ голось мой,

И восхваляю Тя пѣсню **въ мирѣ**

Во многострунной я псалтирѣ [8. С. 208].

В.К. Третьяковский напомним А.П. Сумарокову подобные же неловкие формы в репликах Оснельды и Кия — героев трагедии «Хорев»:

Так же и въ Хоревѣ, дѣйств. I, явл. III, стран. 15, говорить Оснельда: *рви во мнѣ печальный духъ, жестокой въ сей любви, не преложениель за, всей жестокой любви, или дѣйств. II, явл. III, стран. 26, не преложениель же говорит Кій, но в дѣль естли нѣть свидѣтельства когда, за, но естли когда въ дѣль нѣть свидѣтельства!* да и весьма сего у Автора много. Тщетно и несправедливо Автор осмѣхаетъ, будучи самъ тому больше всѣхъ подвержень [12. С. 448].

Высказанный В.К. Третьяковским упрек А.П. Сумарокову «Тщетно и несправедливо Авторъ осмѣхаетъ, будучи самъ тому больше всѣхъ подвержень» [Там же] может быть адресован и самому В.К. Третьяковскому, и едва ли не всем реформаторам русского литературного языка XVIII в.

А.П. Сумароков, высмеивавший В.К. Третьяковского за запутанный порядок слов, сам произвольно разрывал главные и зависимые слова, подбирая рифму. Уже исправленная Третьяковским строка *Не приклони к их уха слову* почти так же трудно воспринимается, как и первоначальная сумароковская *Не приклони к их ухо слову*. Чтобы уловить смысл, надо хотя бы мысленно изменить порядок слов: *Не приклони к их слову уха*. Правда, справедливости ради надо сказать, что В.К. Третьяковский, ссылаясь на возможность русского языка, в отличие от французского, переставлять слова, в свободном расположении слов пошел, пожалуй, далее всех: он перемещал и служебные части речи, вопреки их предназначению служить для связи слов и частей предложения: *Въ ночь или бываетъ рыбъ Ловець...* вместо *Или въ ночь бываетъ рыбъ Ловець...* («Строфы похвальные поселянскому житию») [11. С. 184].

Обращенный к выразительным возможностям церковнославянского языка высокий слог М.В. Ломоносова заимствовал латинский и немецкий порядок слов со сказуемым в конце предложения. Непримируемый оппонент М.В. Ломоносова А.П. Сумароков часто воспроизводит этот порядок, и не только в высоких жанрах, но и в комедиях: *А тебя за меня выдавать онъ и не удерживая твоево имѣнїя не захочетъ...* (комедия «Опекун») [9. С. 31].

Стремительное вовлечение патриархальной Московии в светский образ жизни, приобщение к европейской культуре столкнуло церковнославянское начало русского литературного языка со стилистической культурой французской речи.

В XVIII в. влияние польского языка на русский литературный язык уступает место сначала немецкому, а позже — французскому влиянию, которое одно преобразуется в двуязычное, русско-французское, основание русского литературного языка, отчетливо осознаваемое в XVIII и XIX вв. билингвистичной российской интеллигенцией.

Воздействие немецкого языка на русский литературный язык остановится на уровне лексических заимствований, отвечающих иницированным петровскими реформами потребностям переустройства российской административной системы, стремившейся к своему идеалу — полицейскому государству, армии, развития ремесленного мастерства, роста технических знаний. Конструктивное немецко-латинское влияние на русский литературный язык, выразившееся в закреплении в жанрах высокого стиля словопорядка с характерной позицией глагола-сказуемого в конце предложения, несмотря на крайнюю распространенность, было исторически ограничено: «*Но что приятное и слух услаждающее пение птиц, которое с легким шумом колеблющихся листов и журчаньем ясных источников раздается? Не дух ли и сердце восхищает и все суетным рачением смертных изобретенные роскоши в забвение приводит?*» [5. С. 136]. Академический и литературный авторитет М.В. Ломоносова оказался бессильным. Позиция сказуемого в конце предложения стала с течением времени восприниматься в лучшем случае как стилизация в духе античности: «*Медея с Язоном беззаконно совокупилась, беззаконно разлучилась, при браке брата, а при разлучении детей своих убила*» [4. С. 49].

Иное — влияние французского языка, начавшееся с механических заимствований, высмеиваемых еще А.П. Сумароковым (*Французскимъ словомъ онъ в рѣчь русскую плыветъ; // Солому*

пальею, обжектомъ видъ зоветъ [10. С. 368]), но так же грешившим этими заимствованиями, как и его современники. А закончилось оно, благодаря литературной деятельности Н.М. Карамзина, изменившим семантическую структуру русского слова, включившей в себя выработанные в контекстах европейской литературы, а не в контекстах русского словоупотребления переносные значения, что привело к синтаксической реформе русского литературного языка, закрепившей в нем французский порядок слов, совпавший с порядком слов в русской разговорной речи. Эти преобразования определили формирование русского-французской двуязычной природы русского литературного языка, примиренной с историческим русско-церковнославянским двуязычием светским гением А.С. Пушкина, в творчестве которого знак стал условным в результате разрушения средневекового принципа соотношения знака со значением, согласно которому высокое содержание могло обозначаться только «высоким» знаком.

Двойственная природа русского-литературного языка, свойственная и средневековому периоду его развития, и новому времени, и новейшему, обеспечила его высочайший смысловыразительный потенциал, дала возможность воспринять через церковнославянскую стихию достижения византийской культуры, а через западноевропейскую — сложившуюся в Европе светскую культуру эмоционального и интеллектуального общения.

К концу XVIII в. еще отчетливее проявляется культурная миссия билингвизма: интерес к немецкому языку, который был поднят на флаг перемен во времена Петра Великого, заметно ослаб, а стремление Екатерины II быть в глазах европейцев просвещенной императрицей переключило внимание общества на французский язык. Она переписывалась с д'Аламбером, Вольтером, Дидро, вела дневник по-французски. На смену эпохи бурных преобразований пришла салонная культура, требовавшая иной словесной эстетики. Справедливо мнение о том, что «гибкий, изящный разнообразный французский язык стал языком межнационального, светского общения в дворянских обществах Европы, породив различные виды билингвизма — англо-французский, немецко-французский и т.д.» [3. С. 56]. Изменились и внешние условия, а культ Франции в России приводил к тому, что русское дворянское общество все более стало себя ощущать «французами». Фактический вес новой моды возрастал. Можно согласиться с мнением Т.В. Ковалевой, подметившей характерную черту облика российского государства времени Екатерины II: «Франция стала посредником между Россией и всем цивилизованным миром через свою литературу, философские и научные идеи, а главное — через свой язык» [3. С. 56]. Доказательством этому может служить официальная и частная переписка дворян, исследованная в аспекте билингвальных традиций В.М. Блинохватовой. Она выявила в речевом поведении дворян-билингвов большую коммуникативную роль французского языка, обеспечивавшего комфорт в повседневном общении (см. подробнее: [1]).

К концу XVIII в. русский литературный язык, терзаемый «взрывным» прошлым, но уже адаптировавшийся к новой системе координат и получивший новую грамматику М.В. Ломоносова, постепенно входит в русло нормализации. Этот вопрос являлся едва ли не самым главным в то время. Показателен «Словарь Академии Российской» — первый опыт официальной политики государства в области упорядочения актуального лексического фонда языка. При всем желании его составителей закрепить новые правила языкового выражения пестрота и стилистическая неоднородность словника свидетельствовали о том, что проблема языкового дуализма еще не была решена.

В XVIII столетии двуязычие балансировало на грани поиска исторических основ применения литературного языка и преклонения перед достижениями европейской цивилизации, многие артефакты которой — наука, искусство, образование, увлечения — уже прочно вошли в российский культурный код. Продолжались «гравировка» срезов языка, эксперименты по франкофонии. Но постепенно под влиянием немецких романтиков русское общество двигалось в сторону

народности, а значит, продолжало искать более совершенные средства литературности внутри национально-языковой стихии, а не вне ее. Лишь с приходом Карамзина, а затем Пушкина и литераторов его времени искусственный дуализм «русская речь — иностранная» стал трансформироваться в органичное русско-европейское основание национального литературного языка, хотя дуализм еще оставался частью салонной культуры, эстетикой высшего света, но уже не вписывался в новые правила филологической полемики.

Двуязычная природа русского литературного языка естественно впитывала экспрессивные возможности разговорного синтаксиса народной речи. Генетически разные стихии, сочетаясь по принципу взаимодополнения, преобразовались в единую систему с мощными выразительными возможностями. Размышляя о пути, который прошел наш язык в исторической летописи страны, И.И. Срезневский заметил: «Достигнувши самобытности в литературном языке, мы достигнем самобытности и в литературном вкусе...» [7. С. 78]. Идея сделать словесность «народной по духу» стала девизом развития литературного языка в последующую эпоху.

Этим, однако, не заканчивается витиеватая история родного языка в смысле развития его дуальности. Он и позже приспособлялся, «технизировался», включался в процессы «современивания». Но весь предшествовавший этому опыт показывал, что двуязычная природа литературного языка остается неизменной, хотя уже и не осознаваемой ее носителями. Много веков он как бы балансирует между исконной традицией, трансформировавшейся в XVIII в. и получившей тогда иной статус, и постоянным влиянием иноязычия, не теряет своего стержня и облика даже в самые трагические для него периоды общественных преобразований и социальных переворотов. Русский литературный язык остается в этническом и языковом сознании людей символом поликультурной толерантности.

Литература

1. Блинохватова В.М. Русско-французский билингвизм российского дворянства первой половины XIX века (на материале писем). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь: СГПИ, 2005. 179 с.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: учебник. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.
3. Ковалева Т.В. Формирование и развитие внешнего массового русско-французского билингвизма в XVII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2010. № 4. С. 54–62.
4. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М.В. ПСС. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 89–378.
5. Ломоносов М.В. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 19–76.
6. Посошков И.Т. Зерцало очевидное: Сочинение И.Т. Посошкова. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1895. 230 с.
7. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 136 с.
8. Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе... Александра Петровича Сумарокова. Изд. 2-е. Ч. I. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1787. 369 с.
9. Сумароков А.П. Опекун // Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе... Александра Петровича Сумарокова. Изд. 2-е. Ч. V. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1787. С. 1–48.
10. Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе... Александра Петровича Сумарокова.

References

1. Blinokhvatova V.M. Russko-frantsuzskii bilingvizm rossiiskogo dvorianstva pervoi poloviny XIX veka (na materiale pisem). Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Stavropol: SGPI, 2005. 179 s.
2. Vinogradov V.V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo iazyka XVII–XIX vv.: uchebnik. Moscow: Vysshiaia shkola, 1982. 528 s.
3. Kovaleva T.V. Formirovanie i razvitie vneshnego massovogo rusско-frantsuzskogo bilingvizma v XVII veke // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serii 6. 2010. № 4. S. 54–62.
4. Lomonosov M.V. Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiiu // Lomonosov M.V. PSS. T. 7: Trudy po filologii 1739–1758 gg. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 89–378.
5. Lomonosov M.V. Kratkoe rukovodstvo k ritorike na pol'zu liubitelei sladkorechii // Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenii. T. 7: Trudy po filologii 1739–1758 gg. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 19–76.
6. Pososhkov I.T. Zertsalo ochevidnoe: Sochinenie I.T. Pososhkova. Kazan: Tipo-litografiia Imperatorskogo Universiteta. 1895. 230 s.
7. Sreznevsky I.I. Mysli ob istorii russkogo iazyka. Moscow: Uchpedgiz, 1959. 136 s.
8. Sumarokov A.P. Polnoe sobranie vseh sochinenii v stikhakh i proze... Aleksandra Petrovicha Sumarokova. Izd. 2-e. Ch. I. Moscow: Universitetskaiia tipografiia u N. Novikova, 1787. 369 s.
9. Sumarokov A.P. Opekun // Polnoe sobranie vseh sochinenii v stikhakh i proze... Aleksandra Petrovicha Sumarokova. Izd. 2-e. Ch. V. Mooscow: Universitetskaiia tipografiia u N. Novikova, 1787. S. 1–48.
10. Sumarokov A.P. Polnoe sobranie vseh sochinenii v stikhakh i proze... Aleksandra Petrovicha Sumarokova.

Изд. 2-е. Ч. VII. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1787. 382 с.

11. *Тредиаковский В.К.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. Т. 2. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1852. 335 с.

12. *Тредиаковский В.К.* Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю // Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. II. СПб.: А. Куник, 1865. С. 435–500.

13. *Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.

14. *Ludolfi H.W.* Grammatica Russica. Oxonii: E Theatro Sheldoniano, 1696. 97 s.

Izd. 2-e. Ch. VII. Moscow: Universitetskaia tipografiia u N. Novikova, 1787. 382 s.

11. *Trediakovsky V.K.* Sochineniia i perevody kak stikhami, tak i prozoiu. T. 2. St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoj Akademii nauk, 1852. 335 s.

12. *Trediakovsky V.K.* Pis'mo, v kotorom sodержitsia rassuzhdenie o stikhotvorenii, ponyne na svet izdannom ot avtora dvukh od, dvukh tragedii i dvukh epistol, pisannoe ot priiatelia k priiateliu // Sbornik materialov dlia istorii Imperatorskoj Akademii nauk v XVIII veke. Ch. II. St. Petersburg: A. Kunik, 1865. S. 435–500.

13. *Uspensky B.A.* Kratkii ocherk istorii russkogo literaturnogo iazyka (XI–XIX vv.). Moscow: Gnozis, 1994. 240 s.

14. *Ludolfi H.W.* Grammatica Russica. Oxonii: E Theatro Sheldoniano, 1696. 97 s.

Валентинова Ольга Ивановна,
доктор филологических наук, профессор
кафедры общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов

Valentinova Olga I.,
Doctor of Philology, Professor of
the Department of General and Russian
Linguistics
RUDN University

e-mail: ovalentinova@yandex.ru

Никитин Олег Викторович,
доктор филологических наук,
профессор
кафедры русского языка
Петрозаводский государственный
университет

Nikitin Oleg V.,
Doctor of Philology, Professor of
the Russian Language Department
Petrozavodsk State University

e-mail: olnikitin@yandex.ru

